

УДК 130.2

Сямина О.В.

**СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНТУРЫ
И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ**

Сямина Ольга Васильевна, кандидат культурологии, доцент
Тольяттинский государственный университет
ул. Белорусская, д. 14, Тольятти, 445667, Россия
E-mail: sov_tlt@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В современной России, находящейся в ситуации самоопределения и выбора стратегических ориентиров, особую значимость приобрела проблема исторической памяти. Осознание неразрывной (атрибутивной) связи культуры и памяти актуализирует вопрос о том, каковы способы и конкретные формы ее существования.

Публикуемая статья отражает проблематику научного исследования, цель которого – выявление экзистенциального статуса семейного (фамильного) портрета, его роли в сохранении и трансляции памяти в разных культурных диапазонах: семья – род – народ – Родина.

В исследовании интегрированы различные социальные и гуманитарные познавательные практики, применены современные методологические установки и подходы, выработанные в рамках философии культуры, социологии культуры, визуальной антропологии, герменевтики, семиотики. В ходе исследования значительное внимание было уделено религиозно-философской традиции второй половины XIX – начала XX веков.

Выявление событийности портрета связано с диалогической идентификацией личности в «большом времени культуры», неформализуемым личностным знанием, хранящимся в исторической памяти семьи, рода или народа. Экзистенциальные контуры портрета как культурного события могут быть представлены посредством социально-исторических категориальных форм, среди которых наиболее перспективным является генеалогическое понятие рода и связанные с ними понятия «патрофикация» (Н.Ф. Федоров), «лик», «энтелехия рода», «порода», «благородство», «сыновство» (П.А. Флоренский).

Ключевые слова: семейный портрет; род; родина; семья; генеалогия; связь поколений; традиции; историческая память.

УДК 130.2

*Olga V. Syamina***FAMILY PORTRAIT:
EXISTENTIAL OUTLINES
AND THE CULTURAL MEANINGS****Syamina Olga Vasilievna**, *PhD in Cultural Sciences, Associate Professor*

Togliatti State University

14 Belarusian St., Togliatti, 445667, Russia

*E-mail: sov_tlt@mail.ru***ABSTRACT**

In modern Russia, which is in the situation of self-determination and strategic guidelines choice, the problem of historical memory has acquired the special significance. The awareness of continuous (attribute) relation with culture and memory is kept current by the question of what are the ways and specific forms of its existence.

The given article reflects the problem of scientific research. The aim is to identify the existential status of the family, its role in maintaining and transmitting of cultural memory in different ranges: the family – clan – nation – Motherland.

The study integrates various social and human cognitive practices, applies modern methodological principles and approaches which are developed in the framework of philosophy of culture, cultural sociology, visual anthropology, hermeneutics, semiotics. The author pays considerable attention to the religious and philosophical traditions of the second half of XIX - early XX centuries.

The identity of portrait eventness is associated with dialogic identity of the person in the “long time of culture,” personal knowledge which is in the historical memory of the family, clan or nation. The existential portrait contours as a cultural event may be represented by the social and historical categorical forms. The concept of family and family related concepts such as “patrofication” (Nikolai Fedorov), “face”, “clan entelechy”, “race”, “nobility”, “sonship” (Pavel Florensky) are the most promising.

Key words: family portrait; clan; birthplace; family; genealogy; generations interaction; traditions; historical memory.

В день празднования 70-летия Победы в России произошло событие, имеющее прямое отношение к теме статьи. Речь идет об акции «Бессмертный полк», во время которой миллионы людей прошли по улицам городов с фотопортретами своих родственников – участников Великой Отечественной войны. Эта волнующая процессия стала подтверждением значимости феномена семейного портрета как механизма исторической памяти, восстановления «живой» связи с ушедшими из жизни поколениями. Всенародное шествие приобрело характер духовного действия, смысл которого – в воссоединении его участников со своими предками, своим родом, и посредством него – с Родиной, Отечеством. В каком-то смысле эта акция стала тем «общим делом» по «воскрешению отцов», которому посвятил свое учение мыслитель Николай Федоров. В таком ключе она была воспринята многими в нашей стране.

«Крестным ходом» назвал шествие протоиерей Дмитрий Смирнов (церковный и общественный деятель, председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства) в своей проповеди на 70-летие Великой Победы: «...В Москве, помимо парада, который всегда является у нас высшим образцом воинского искусства, произошло совершенно чудесное явление. Мне кажется, что ничего более грандиозного и важного в жизни мне увидеть не довелось. <...> Это воистину крестный ход, которым прошли внуки, правнуки, дети тех наших героев, и не только героев, а просто страдавших в этих страшных событиях людей, которые оказали противодействие самому жуткому злу на земле...». Православный священник развивает мысль о том, что это поистине всенародное шествие (масштабы которого никто не мог предвидеть) было вызвано потребностью людей ощутить сопричастность с историей своей семьи и через нее с историей своей страны: «Это было желание соединиться со своим родом. Потому что ведь каждый из нас не просто «из ниоткуда» – из бездны космоса

вдруг появился на земле. Нет! У каждого есть – отец и мать. У каждого есть – два дедушки и две бабушки. У каждого есть – четыре прадедушки и четыре прабабушки. У многих есть тети и дяди...»¹.

Можно привести еще одно близкое по смыслу суждение известного кинорежиссера Карена Шахназарова: «...Я думаю, что вчерашний день был, конечно, необыкновенным. Все-таки наша Родина полна каких-то скрытых смыслов. У меня ощущение, что вчера началось рождение новой российской нации... Потому что родился новый миф Победы... “Миф” – это очень важная составляющая формирования нации. Когда люди вышли с портретами – это уже не советская мифология, где герои погибли. А здесь они – воскресли! “Воскресение” – это величайшая основа для создания новой мифологии... У меня было ощущение, когда я видел эти миллионы людей, что после растерянного населения 90-х годов, появился новый народ, со своей новой идеологией...»².

Пробуждение в наших современниках родового самосознания актуализирует вопрос о смысле и функциях «семейного портрета» – феномена культуры, имеющего глубокие корни и разнообразные конкретно-исторические трансформации: от погребальных масок древности до современных медиа-образов.

История семейного портрета в России насчитывает более трехсот лет. Наиболее ярко она представлена живописными портретами (масло, акварель, эмаль и др.) представителей дворянских и купеческих родов XVIII-XIX вв., а также семейными фотографиями («светописью») дореволюционного времени. Без фамильных портретных галерей невозможно представить себе мир русской классической усадьбы. Авторами этих работ являлись как профессиональные художники (русские и иностранцы), так и жи-

¹ <http://www.dimitrysmimov.ru/blog/propoved-60999/?pg=1&out=pg&frm=ex&srt=dpd&cat=p&txt=y>

² <http://vsoloviev.ru/sunday/> – Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Выпуск от 10.05.2015. Телеканал «Россия 1».

вописцы-самоучки, наследие которых было открыто и стало пристально изучаться отечественными искусствоведами в конце прошлого века [7, 16 и др.].

Изобретение фотографии в середине XIX века привело к широкому распространению фотографических семейных портретов, которые чаще всего носили постановочный характер и создавались в условиях специализированных ателье. Процесс фотографирования и подготовки к нему становился важным и ответственным событием в жизни семьи. В качестве фотографов нередко выступали профессиональные художники, хорошо знакомые с законами композиции в искусстве. Наиболее известными среди них были Л. Прахов (ученик А. Венецианова), А. Денъер, А. Карелин, В. Каррик. Среди фотографов XIX века, работавших в жанре семейного портрета, можно выделить имя Андрея Осиповича Карелина, который одним из первых в русской «светописии» обратился к жанру интерьерного семейного портрета («комнатные группы») [1].

Одновременно с развитием фотографии формируется культура хранения и экспонирования семейных портретов:

- появляются фотоальбомы (которые становятся семейной реликвией);

- на смену классическому картинному багету приходит фоторамка, декорирование которой отражало широкий спектр стилистических тенденций современности;

- начинают применяться паспарту, поясняющие подписи, автографы и др. Семейные фотографии развешивались на стенах в кабинете или гостиной, расставлялись на столах, полках, каминах.

В XX веке, особенно во второй его половине, вследствие разрушения традиционного семейного уклада, разрыва «нитей родового предания», семейный портрет как особый жанр искусства и бытовой культуры уходит в прошлое. Ему на смену приходят «моментальные» снимки, фиксирующие различные события жизни, или любительские фотографии членов семьи, которые редко несут в себе образное начало (сле-

довательно, вряд ли могут быть названы портретами с точки зрения традиционной эстетики). Домашние портретные галереи, в которых наглядно представлено родовое древо с образами предков, превратились в ретро-экзотику, которой в реальной жизни уже не было места.

Но чувство рода в человеке глубинно и неискоренимо, и сегодня оно вновь заявляет о себе, побуждая вернуться к прерванной традиции.

Современный подход к феномену «портрета», и «семейного портрета» в частности, имеет свои особенности. До недавнего времени в отечественных исследованиях он рассматривался преимущественно в контексте искусствознания как художественно-эстетическое явление [2, 3, 6, 8, 9, 10, 16 и др.]. Акцент делался на вопросах истории развития этого жанра в разных видах искусства, типологии (автопортрет, исторический, психологический, мифологический, семейный и др.), специфике художественно-выразительных средств портретного образа в разных видах искусства, в творчестве отдельных художников и др.

Сегодня феномен «портрета» стал осмысляться в более широком междисциплинарном контексте, что явилось следствием развития культурологической научной парадигмы, появления новых направлений в гуманитарных исследованиях, таких как философия культуры, социология культуры, культурная антропология, культура повседневности, визуальные исследования, семиотика и др. В свете новых исследовательских установок портрет рассматривается как одна из важных символических систем, «как специфические “медиа”, отражающие и транслирующие не только эстетический, но и определенный социокультурный опыт» [5, с. 130].

В этой связи не случайно именно «семейный портрет» сегодня выходит на авансцену исследовательского интереса, поскольку он в большей степени, чем другие виды изображений человека, реализует основные функции культуры: самоидентификации

личности в «большом времени культуры» и сохранения-трансляции исторической памяти семьи, рода, народа (мемориальная или мнемоническая функция).

Наиболее глубоко раскрыть природу семейного портрета позволяет обращение к русской религиозно-философской традиции второй половины XIX – начала XX веков, в которой тема рода рассматривалась в связи с фундаментальными проблемами бытия. На это время приходится расцвет российской генеалогии.

Основополагающие принципы религиозной генеалогии были сформулированы в трудах самобытного духовного мыслителя Николая Федорова, в учении которого «генеалогия обращена не только в прошлое, но и в будущее – к эсхатологической развязке мировой истории» [4, с. 64]. Федоров выступает с идеей «патрофикации» – воскрешения предков, отцов, которая подразумевала воссоздание всех живших поколений, их преображение и возвращение к Богу. «Только в учении о родстве вопрос о толпе и личности получает решение: единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство, которое все заключается... в сознании каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т. е. сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства, как в толпе» [4, с. 64].

Особый интерес в связи с нашей темой представляет наследие отца Павла Флоренского. Проблемы генеалогии занимали одно из наиболее важных мест в широком спектре научных интересов П.А. Флоренского [12]. Разработку теоретических проблем генеалогии он сочетал с изысканиями по истории собственного рода, по крупицам собирая сведения о предках, многочисленных родственниках.

Задачу генеалогии Флоренский видел в том, чтобы понять род как целое, смысл которого сквозит в каждом члене рода. «Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и

свои упадки. Каждое время его жизни ценно по-своему; однако род стремится к некоторому определенному, особенно полному выражению своей идеи, перед ним стоит заданная ему историческая задача, которую он призван решить...» [14, с. 49-50].

Согласно концепции Флоренского, сущность рода, его идея может быть реализована в одном его представителе («лик» или «энтелехия» рода). Подобно тому, размышляет Флоренский, как у отдельного человека личность его в разных поступках, разных его состояниях, свойствах и органах проступает с различной степенью выразительности, так и у рода есть места большей или меньшей прозрачности.

Понимание рода как духовного единства коренным образом меняет нравственное самосознание человека: «Себя чувствовать надо не затерявшимся в мире, пустом и холодном, не быть бесприютным, безродным; надо иметь точки опоры, знать свое место в мире – без этого нельзя быть бодрым. Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину. У кого нет рода, у того нет и Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма. Чем больше связей, чем глубже вошла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем культурнее, тем более культурная масса личности...» [14, с. 29].

Долг каждого живущего, считал П.А. Флоренский, хранить память о прошлых поколениях, всматриваться в «лица» и «лики» истории, скрупулезно изучать детали. Он подчеркивал, что в генеалогических изысканиях нет мелочей и никогда нельзя заранее сказать, что важно и что не важно. На возможные возражения, что все документы и свидетельства утрачены, Флоренский убежденно доказывал, что этого не может быть: человек, лицо, живя в культуре, не может затеряться, так как он связан тысячами нитей с окружающей жизнью, и эти связи так или иначе сохраняются. Просто нужны усилия по восстановлению генеалогии – и физические и духовные: «Мое заветное ощущение жизни, мое самое глубокое чувство и моя вера, многократно под-

тверждавшаяся на опыте, что есть основная аксиома истории: ничто не пропадает. Ни хорошее, ни плохое. ...Надо, следовательно, не лениться в поисках. Надо много трудиться над разысканием следов прошлого. Они останутся, да. Но помните, что и нашей небрежности к прошлому, нашей духовной невоспитанности, нашего замыкания в себе следы тоже останутся» [14, с. 32].

Концепция Флоренского предусматривает ответственное отношение не только к предкам, но и к собственной жизни: долг каждого – как представителя рода – выявить свое лицо, то есть воплотить свою индивидуальность, свои чувства, мысли, опыт – для следующего поколения сынов: «Бесплодие же (физическое и духовное), одиночество есть невыявленность миру лица... Наиболее глубокое познание личности возможно только сыну ее и через сына ее...» [14, с. 57].

В рамках своего понимания рода Флоренский разрабатывал основы биографики – особого способа изучения личности в контексте истории рода.

В свете концепции Флоренского интерес представляет его трактовка понятий «порода» и «благородство». Наглядным проявлением разрушения родового самосознания он считал утрату современным человеком таких качеств, как благородство, породистость: «...Член определенного рода – родовит, он – определенной «породы», породист..., то есть одновременно «породистый» и «благородный». Это значит, что род в нем явно сквозит. Да и что иное есть благородство, как не прозрачность эмпирической оболочки для ноуменального содержания... Ведь благороден тот, в ком вид определен, целен, невозмущен, то есть, зрим четко обрисованным. Благороден – тот, в чьем виде зрим род его, то есть в чьем лице видно вечное и вселенское...» [14, с. 123].

Центральное место занимал «семейный вопрос» в размышлениях Василия Васильевича Розанова. «Род – на – род = народ» – этот афоризм очень любил В.В. Розанов, на этом принципе строится его концепция семьи и воспитания. В обобщенной форме теория рода изложена философом в книге «Семейный вопрос в России» (1903 г.) [11]. Идеи Розанова звучат сегодня особенно актуально, они помогают глубже осмыслить метафизику семьи и рода, истоки традиционных семейных ценностей и тех форм жизни, в которых они воплощаются. Следует отметить, что В.В. Розанов значительное внимание уделял сохранению архива своей семьи.

Главная «миссия» семейного портрета – быть хранителем и транслятором семейного мифа, своеобразным мостом между бытом и бытием, прошлым и настоящим в жизни семьи, рода.

Актуализация традиции семейного портрета, фамильных портретных галерей применительно к современным реалиям жизни является очень важной как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. К сожалению, в настоящее время эту нишу в основном заняли низкохудожественные продукты массовой культуры (портреты с фотографий с помощью фотошопа) или так называемая «креативная» фотосъемка, в которой часто и намек нет на исконный смысл семейного портрета. Результатом профессиональной проектной деятельности в этом направлении станет укрепление института семьи в России, формирование у наших соотечественников, что особенно важно – у молодежи, родового самосознания и подлинного патриотизма, когда чувство сопричастности с историей Родины проходит через историю своей семьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андрей Осипович Карелин. Творческое наследие / сост. Семенов А.А., Хорев М.М. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1990. 300 с.
2. Андроникова, М.И. Об искусстве портрета. М.: Искусство, 1975. 328 с.
3. Андроникова, М.И. Портрет. От наскальных рисунков до звукового фильма. М.: Искусство, 1980. 436 с.
4. Антоненко, С. «Память их в род и род...» // Родина. 2005. № 7. С. 64-71.
5. Артемьева, Л.С. «Приметь перемену лица моего»: человек и его лицо в отечественной культуре второй половины XVIII века. Проблемы исследования // Выбор метода: Изучение культуры России 1990-х годов. Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2001. С. 130-138.
6. Василий Андреевич Тропинин. Исследования. Материалы / Под ред. М.М. Раковой. М.: Изобразительное искусство, 1982. 248 с.
7. «Для памяти потомству своему...» Народный бытовой портрет в России / Авт.-сост. Н. Н. Гончарова, Н. А. Перевезенцева и др. М.: Галактика Арт, 1993. 272 с.
8. Евангулова, О.С., Карева, А.А. Портретная живопись в России второй половины XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1994. 200 с.
9. Зингер, Л.С. Очерки теории и истории портрета. М.: Изобразительное искусство, 1986. 328 с.
10. Портрет в русской живописи XVII – первой половины XIX века. Альбом. Авт. ст. и сост. А. Б. Стерлигов. М.: Гознак, 1986. 150 с.
11. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Т. 18. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика, 2004. 832 с.
12. Сямина, О.В. Метафизика рода. Генеалогическая концепция П.А. Флоренского // Феноменология русской усадьбы. Саратов: Саратовский источник, 2007. С. 16-22.
13. Флоренский, П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Заветание. М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.
14. Флоренский, П.А. Сочинения. В 4-х томах. Т. 3(2). М.: Мысль, 2000. 623 с.
15. Флоренский, П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
16. Ярославские портреты XVIII-XIX веков: Ярославль, Переславль-Залесский, Ростов Ярославский, Рыбинск, Углич / сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Федорова, С. В. Ямщиков. М.: Изобразительное искусство, 1984. 36 с., [132] л. цв. портр.

REFERENCES:

1. *Andrei Osipovich Karelin. The Artistic Heritage.* Comp. Semenov, A.A., Khorev, M.M. Nizhny Novgorod: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 300 p.
2. Andronikova, M.I. *On the Art of Portraiture.* Moscow: Iskusstvo, 1975. 328 p.
3. Andronikova, M.I. *Portrait. From Cave Paintings to the Sound Film.* Moscow: Iskusstvo, 1980. 436 p.
4. Antonenko, S. «Their Memory Is For Generation...». *Rodina.* № 7. 2005. Pp. 64-71.
5. Artemieva, L.S. «Note the Change in My Face»: a Man and His Face in the National Culture of the Second Half of the XVIII Century. Problems of Research. *The Choice of Method: The Study of Russian Culture of the 1990s.* Ed. by G.I. Zvereva. Moscow.: Publishing house of RSUH, 2001. Pp. 130-138.
6. *Vasily Andreevich Tropinin. Researches. Materials.* Ed. by M.M. Rakova. Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo, 1982. 248 p.
7. «For Progeny Memory...» *People Home Portrait in Russia.* Comp. N. N. Goncharova, N. A. Perevezentseva and others. Moscow: Galaktika Art, 1993. 272 p.
8. Evangulova, O.S. and Kareva, A.A. *Portraiture in Russia in the Second Half of XVIII Century.* Moscow: Moscow State University Press, 1994. 200 p.
9. Zinger, L.S. *Essays on the Theory and History of a Portrait.* Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo, 1986. 328 p.
10. *Portrait of a Russian Painting XVII – the First Half of the XIX Century.* Album. Comp. A. B. Sterligov. Moscow: Goznak, 1986. 150 p.
11. Rozanov, V.V. *Family Question in Russia.* Ed. A. N. Nikoliukin. Moscow: Respublika, 2004. 832 p.
12. Syamina, O.V. Metaphysics of Generation. P.A. Florensky's Genealogical Concept. *Phenomenology of Russian Manor.* Saratov: Saratovskiy istochnik, 2007. Pp. 16-22.
13. Florensky, P.A. *To My Children. Memories of Past Years. Genealogical Research. From Solovetsky Letters. Testament.* Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1992. 560 p.
14. Florensky, P.A. *Works. In 4 Volumes.* Vol. 3(2). Moscow: Mysl', 2000. 623 p.
15. Florensky, P.A. *The Philosophy of the Cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy).* Moscow: Mysl', 2004. 685 p.
16. *Yaroslavl Portraits of XVIII-XIX Centuries: Yaroslavl, Pereslavl, Rostov Yaroslavl, Rybinsk, Uglich.* Comp. and Entrod. by I. N. Feodorova and S. V. Yamschikov. Moscow : Izobrazitelnoe iskusstvo, 1984. 36 p., [132] fig.